

АЙЛИН

Иногда возвращение
домой — это только
начало испытаний

Л

ЛОЗИНСКИЙ
И ПАРТНЁРЫ
— ХОЛДИНГ

ЦЕНА
ВОЗВРАЩЕНИЯ

роман

У каждого выбора есть последствия.
У каждого возвращения — своя цена.

Айлин

Цена возвращения

«Автор»

2026

Айлин

Цена возвращения / Айлин — «Автор», 2026

Москва, наши дни. После четырёх лет учёбы в Лондоне Вера Лозинская возвращается домой — и попадает не в тёплый родительский дом, а в эпицентр беды: бизнес отца под ударом, налоговые проверки, сорванные контракты и партнёр, чьё имя нельзя произносить вслух. Случайностей слишком много, чтобы это было случайностью. Вера учится читать цифры как намерения людей — и понимает, что предательство пришло изнутри. А рядом оказывается человек, который знает больше, чем говорит. Цена возвращения — это цена правды о своих.

© Айлин, 2026

© Автор, 2026

Айлин

Цена возвращения

Глава 1. Рейс Лондон — Москва

Самолёт шёл на снижение, когда Вера наконец убрала ноутбук.

За иллюминатором медленно проявлялась Москва — серая, плоская, огромная. Не та Москва из детских воспоминаний, сверкающая огнями с высоты родительской машины, а другая — зимняя, усталая, равнодушная к тому, кто и зачем сюда летит.

Она возвращалась домой. После четырёх лет отсутствия.

Вера достала телефон и перечитала последнее сообщение от отца. Пришло три дня назад, когда она ещё сдавала последний экзамен.

«Приедешь — поговорим. Не по телефону. Всё хорошо».

Всё хорошо. Два слова, которые отец никогда не писал просто так. Дмитрий Лозинский не успокаивал — ни дочь, ни партнёров, ни себя. Если он написал «всё хорошо», значит, было что-то, что требовало именно этих слов.

Она убрала телефон и стала смотреть в окно.

В отражении иллюминатора мелькало её лицо — тёмные волосы убраны в хвост, под глазами тени от недосыпа. Она провела последнюю неделю в сессии и не спала нормально три дня. Это видно было. Она знала.

Двадцать два года, финансовое право, Лондон — и лицо человека, который летит домой и не знает, что там ждёт.

Она поправила это лицо привычным движением — расправила плечи, опустила подбородок, убрала из взгляда всё лишнее. В Лондоне её научили, что усталость — это информация, которую не обязательно отдавать бесплатно. Человек, который выглядит измотанным, уже наполовину проиграл разговор, ещё не начав его. Она не знала, с кем именно ей предстоит говорить дома, но знала, что говорить придётся, и готовилась к этому так, как привыкла готовиться ко всему важному — заранее, тихо, про себя.

Самолёт коснулся полосы жёстко, с подскоком. Пассажиры захлопали — коротко, иронично, без особого энтузиазма, как хлопают только на рейсах домой. Вера не хлопала. Она смотрела, как за окном бежит мокрый бетон, как проступают из мглы ангары, цистерны, хвосты чужих самолётов с незнакомыми ливреями. Шереметьево. Она была здесь сотни раз — её провожали и встречали, отсюда она улетала учиться. Сегодня всё это выглядело чужим, будто она смотрела на свою прежнюю жизнь сквозь не до конца протёртое стекло.

* * *

В зале прилёта её встретил Геннадий — водитель, работавший у отца лет пятнадцать. Немолодой, крепкий, с той особенной сдержанностью людей, которые много видели и научились молчать. Он забрал чемодан, кивнул коротко — добро пожаловать домой — и больше не сказал ничего до самой машины.

— Папа дома? — спросила Вера, когда они выехали на трассу.

— Дома, — сказал Геннадий.

— Он... как?

Пауза была секунды на три. Для Геннадия это было всё равно что монолог.

— Ждёт вас.

Вера смотрела на дорогу. Подмосковье проносилось мимо — заправки, торговые центры, серые многоэтажки вдоль шоссе. Она четыре года жила в Лондоне, где даже промзоны умеют выглядеть с достоинством. Здесь достоинство было другим — угрюмым, тяжёлым, без украшений.

Она всегда думала, что соскучится.

Оказалось — соскучилась. Просто не по этому.

* * *

Дом встретил её светом во всех окнах.

Двухэтажный, кирпичный, с широким крыльцом — не особняк, не дача, что-то среднее. Отец построил его в начале двухтысячных, когда дело пошло. Вера помнила, как переезжали — ей было десять, Никите четыре, мать бегала с коробками и говорила, что не успевает. Тогда дом казался огромным. Сейчас — просто домом. Тёплым, знакомым до каждого угла.

Мать стояла на крыльце — в тонком джемпере, несмотря на февраль, с улыбкой, которую Вера знала с детства. Эта улыбка означала гостей за столом, фотографии для соцсетей и разговоры, которых не будет.

— Верочка. — Объятие, запах духов, лёгкий поцелуй в висок. — Как долетела? Ты похудела. Пойдём, я велела приготовить твои любимые пирожки.

— Мама. Где папа?

Улыбка чуть дрогнула.

— В кабинете. Он тебя ждёт, но сначала поешь, ты же с дороги—

— Мама.

Они смотрели друг на друга. Наталья Лозинская была красивой женщиной — всегда была, наверное, всегда будет. Но сейчас под глазами залегла тень, которую не перекрывала никакая пудра, и руки, сложенные у груди, держались чуть крепче, чем нужно.

— Иди к нему, — сказала мать тихо. — Он объяснит лучше, чем я.

* * *

Отец стоял у окна.

Вера помнила его другим — крупным, шумным, заполняющим собой любое пространство. Высокий, широкоплечий, с руками человека, который строил — большими, привычными к работе. Волосы тёмные, с сединой на висках, которая появилась лет пять назад и которую он не замечал. Лицо открытое, с морщинами у глаз — не от возраста, от привычки щуриться на солнце и смеяться.

Человека, который входил в переговорную и через десять минут уже знал, как зовут секретаршу и чья команда выиграла вчера. Дмитрий Лозинский умел быть везде сразу и нигде не чувствовать себя чужим.

Сейчас он стоял у окна и смотрел в темноту. Плечи опущены чуть больше чем обычно. Как будто что-то давит сверху.

— Пап.

Он обернулся. Улыбнулся — и она сразу увидела, чего стоила ему эта улыбка.

— Верка. — Он обнял её крепко, по-настоящему, и на секунду она снова стала той девочкой, которую он когда-то учил кататься на велосипеде во дворе. — Прилетела.

— Прилетела. — Она отстранилась и посмотрела на него. — Рассказывай.

Он помолчал. Прошёл к столу, сел. Жест был тяжёлым — не усталость тела, а что-то глубже.

— Садись, — сказал он. — Разговор долгий.

За окном падал снег. Тихий, равномерный — как будто город накрывали с головой, не спрашивая согласия.

Вера села. И стала слушать.

* * *

Отец говорил долго. Без обиняков — это было на него похоже — но медленно, как человек, который несколько раз уже проговаривал это про себя и всё равно не нашёл лёгкого способа.

Холдинг «Лозинский и партнёры» существовал девятнадцать лет. Строительство, девелопмент, несколько торговых центров в регионах. Не империя — но крепкое, живое дело, которое отец строил с нуля, из девяностых, когда строить означало ещё и выживать.

Полтора года назад что-то начало идти не так.

— Сначала один контракт сорвался, — говорил он, глядя в стол. — Думал — случайность. Потом второй. Потом налоговая проверка — плановая, сказали. Потом ещё одна. Потом партнёр на севере вдруг решил выйти из проекта. Без объяснений, просто — выхожу, возвращайте долю. А доля была вложена в стройку, которая ещё не окупилась.

— Ты взял кредит? — спросила Вера.

— Два. — Он наконец посмотрел на неё. — Под залог активов. Думал — перекроюсь, переживу квартал. А квартал не закончился, как я рассчитывал.

Вера молчала. Она слушала и одновременно считала — не цифры, их она ещё не знала, а логику. Два кредита. Сорванные контракты. Проверки одна за другой. Партнёр, который ушёл именно тогда, когда уход стоил дороже всего.

— Это не невезение, — сказала она.

Отец медленно кивнул.

— Нет.

— Кто-то это организовал.

— Я думаю — да. — Он встал, снова прошёл к окну. Эта привычка — говорить спиной — была у него с тех пор, как Вера себя помнила. — Но доказать не могу. И не знаю, кто. Может — Ветров. Может — кто-то через Ветрова. Может, я вообще не туда смотрю.

Ветров. Алексей Ветров — партнёр отца последние восемь лет. Вера помнила его смутно: крупный, громкий, всегда с коньяком в руке на отцовских праздниках.

— Где сейчас Ветров?

— В Дубае. С января.

— Удобно.

Отец обернулся. В его взгляде было что-то, что она не сразу опознала — и только потом поняла. Стыд. Дмитрий Лозинский стыдился. Перед ней.

— Верка, я должен тебе сказать ещё кое-что.

Она ждала.

— Есть человек, который готов закрыть долги. Полностью. И дать время на восстановление бизнеса. Без процентов, без давления. — Пауза. — Почти без давления.

— Почти, — повторила она.

— Его зовут Артём Северский. Ему тридцать шесть. Он... — Отец подбирал слово дольше обычного. — Серьёзный человек. Из тех, кто не объясняет, откуда у него возможности. Он предложил мне выход. Условие одно.

Вера почувствовала, как что-то холодное и очень спокойное опускается внутри — туда, где раньше жила уверенность в том, что жизнь устроена справедливо.

— Я, — сказала она. Не спросила.

Отец не ответил. Это тоже было ответом.

За окном снег падал всё гуще. Где-то в доме негромко звякнула посуда — мать накрывала на стол, потому что не знала, что ещё делать.

— Сколько времени у нас? — спросила Вера.

— Месяц. Может, чуть больше.

— Я хочу видеть все документы. Кредитные договоры, контракты, переписку с Ветровым — всё, что есть. — Она встала. — И я хочу знать всё о Северском. Всё, что ты знаешь.

— Вера. — В голосе отца было что-то надломленное. — Я не прошу тебя соглашаться. Я просто должен был тебе сказать.

— Я знаю, пап. — Она подошла и коснулась его плеча — коротко, твёрдо. — Ты должен был сказать. Ты сказал. Теперь моя очередь думать.

Она вышла из кабинета.

В коридоре остановилась. Прислонилась спиной к стене и закрыла глаза — на десять секунд, не больше. Именно столько она позволила себе на растерянность.

Потом открыла глаза.

Достала телефон и начала искать: Артём Северский, Москва, бизнес.

Результатов было неожиданно мало.

Для человека с такими возможностями — подозрительно мало.

Глава 2. Бумаги

Она работала до четырёх утра.

Отец принёс три папки и ноутбук с доступом к корпоративной почте. Сел рядом за стол, плечом к плечу, как сидел когда-то давно пока она делала уроки. Молчал. Она не просила объяснений — просто начала читать, а он сидел и смотрел как она читает.

Потом мать позвала его — тихо, из коридора, настойчиво, так, как зовут человека, которому нужно просто лечь и не думать хотя бы до утра. Он поднялся, положил руку ей на плечо — на секунду, без слов — и вышел.

Вера осталась.

Минуту она сидела неподвижно, слушая, как наверху закрывается дверь родительской спальни, как стихают шаги, как дом отдаёт дневной шум и переходит в ночной режим — тот, в котором слышно работу холодильника, потрескивание остывающих батарей, далёкий собачий лай за забором соседнего участка. Потом придвинула первую папку ближе, открыла ноутбук и поняла, что отступать поздно. Она уже внутри.

* * *

Комната была та же, что в детстве.

Она это поняла не умом — телом. Запах тот же, чуть пыльный, немного книжный. Лампа на столе та же, с жёлтым тёплым кругом — когда-то под этой лампой она писала сочинения, учила формулы, переписывалась с одноклассниками по ночам. Полка с книгами на которых она выросла — Булгаков, Толстой, несколько фэнтезийных томов, которые когда-то казались важными, потом стали просто частью пейзажа. Фотография с выпускного в самодельной рамке — она там смотрит прямо в камеру, серьёзная, как будто уже знает, что впереди Лондон и четыре года другой жизни.

Всё это существовало в странном, почти нереальном контрасте с тем, что лежало перед ней на столе. Кредитные договоры с печатями банков. Акты налоговых проверок. Распечатки переписки, где люди спокойно говорили о многомиллионных суммах как о чём-то обыденном.

Она прогнала это ощущение — несоответствие, детская комната и взрослые документы — и начала работать.

* * *

Лондонская школа приучила её к одному простому правилу: сначала понять структуру, потом искать аномалии. Не наоборот. Если идти сразу за аномалиями — можно принять за ошибку то, что является нормой для конкретного бизнеса, и пропустить настоящее.

Структуру она понимала к полуночи.

Понимать структуру для неё означало не запомнить цифры, а почувствовать дыхание бизнеса: откуда приходят деньги, куда уходят, где узкие места, где жир, а где кость. Лондонские преподаватели называли это «читать компанию как организм». Большинство студентов выучивали термин и забывали смысл. Вера смысл не забыла. Она научилась видеть в столбцах не суммы, а намерения людей, которые эти суммы двигали.

Холдинг «Лозинский и партнёры» — строительная компания среднего размера, несколько объектов одновременно, типовые схемы финансирования. Отец не изобретал велосипед — брал под залог активов, перекрывался краткосрочными кредитами в периоды кассовых разрывов. Ничего выдающегося, но и ничего криминального. Нормальный рабочий бизнес.

А потом структура начала расходиться.

Первый кредит — март позапрошлого года — был логичен. Кассовый разрыв между вложениями в стройку и поступлением денег от продаж. Стандартная история, такое бывает у всех. Сумма умеренная, сроки разумные.

Второй кредит вызывал вопросы.

Взят через четыре месяца после первого. Под залог того же объекта. Но у другого банка.

Вера остановилась на этом месте. Налила себе воды из бутылки которую взяла с кухни перед тем, как закрыться. Выпила. Подумала.

Когда берёшь второй кредит под тот же залог у другого банка — это либо означает что ты не знаешь о первом (что абсурдно, ты сам его брал), либо что ты знаешь и рассчитываешь закрыть первый до того, как второй банк обнаружит коллизию. Рискованная схема. Отчаянная.

Или — третий вариант — тебе помогли не заметить что делаешь. Кто-то рядом, кому доверяешь, говорил «всё нормально, подписывай».

Она открыла переписку с Ветровым за тот период.

* * *

Письма были странными.

Не содержанием — тоном. Это был важный нюанс, которому её учили специально: смысл слов часто вводит в заблуждение, но тон не врёт. Ветров писал коротко, уклончиво, с постоянной тональностью успокоения. «Решим на следующей неделе. Я занимаюсь этим вопросом. Не беспокойся, Дима, всё под контролем. Дай мне немного времени». Ни одной конкретной даты. Ни одного конкретного действия. Только заверения.

Классический язык человека, который тянет время.

Вера пометила эти письма и пошла дальше — уже не по диагонали, медленнее.

В середине второй папки она нашла то, что заставило её остановиться.

Акт налоговой проверки от октября. Стандартный документ, сорок страниц мелким шрифтом. Она листала по диагонали — налоговые акты имеют понятную структуру, важное всегда в приложениях — и вдруг замедлилась.

В приложении к акту был список контрагентов, которых налоговая запросила для проверки. Двенадцать компаний.

Она начала проверять их по реестру — методично, одну за другой. Это занимало примерно минуту на компанию, она засекала. Первая — реальная, адрес, директор, история работы. Вторая, третья — то же самое. Она уже шла на автопилоте, когда добралась до двенадцатой.

ООО «Стройинвест-Гарант».

Результат проверки выдал одно: компания зарегистрирована семь месяцев назад. Уставный капитал — десять тысяч рублей. Директор — Сырцов Павел Анатольевич. Адрес регистрации — жилая квартира в Люберцах.

Вера посмотрела на экран.

Потом открыла корпоративную почту и нашла договор с этой компанией.

Нашла быстро — он был в папке «Подряды», в алфавитном порядке, ничем не выделенный. Подряд на поставку строительных материалов. Сумма — восемнадцать миллионов рублей. Подписан отцом лично. Материалы по документам поставлены. Акт выполненных работ подписан. Деньги перечислены — в три транша, последний девять месяцев назад.

Она откинулась на спинку стула.

Восемнадцать миллионов ушли в компанию, которая существовала семь месяцев и юридически была квартирой в Люберцах.

И налоговая это видела. И молчала восемь месяцев. И пришла с проверкой именно тогда, когда холдинг уже не мог позволить себе ни задержки, ни штрафов, ни дополнительного внимания.

Это не было случайностью.

Случайность — это один сорвавшийся контракт. Случайность — это одна проверка. Но кассовый разрыв, и второй кредит под тот же залог, и однодневка с восемнадцатью миллионами, и молчащая налоговая, и два кредита, которые вместе создали долговую удавку — это не случайность. Это конструкция. Её строили.

* * *

Кто-то создал эту компанию. Кто-то подсунул отцу договор. Кто-то знал, когда именно натравить налоговую.

Вера смотрела на имя директора — Сырцов Павел Анатольевич — и думала о том, что за этим именем стоит кто-то другой. Кто-то, кто хорошо знал бизнес Лозинских изнутри — знал, когда подписываются договоры, знал через кого их можно протолкнуть, знал на каких объектах какие залого.

Такой человек должен был сидеть рядом с отцом не один месяц.

Она открыла переписку с Ветровым снова. Теперь уже не читала письма — просто смотрела на хронологию. Август, когда предложил схему с долей. Сентябрь, когда подписали протокол. Октябрь, ноябрь — переписка становилась реже. Декабрь — короткие ответы. Январь — «я занят, позвоню позже».

Февраль — Ветров уехал в Дубай.

А в феврале же пришла первая налоговая проверка.

Совпадение было слишком аккуратным.

Вера записала имя в телефон: Сырцов Павел Анатольевич. Подумала. Добавила рядом: Ветров?

Поставила вопросительный знак.

Закрыла ноутбук. Сложила папки в стопку — аккуратно, по порядку. Встала, потянулась — спина затекла, плечи затекли, она не замечала пока не встала.

Было четыре утра.

За окном светало — медленно, неохотно, как это бывает в Москве в феврале. Не рассвет ещё — просто тьма становилась чуть менее тёмной. Серость накапливалась в углах неба.

Она постояла у окна минуту.

Думала о том, что завтра — то есть уже сегодня, через несколько часов — нужно будет разговаривать с отцом. Рассказывать что нашла. Смотреть как он реагирует на то, что увидит в её глазах — а он увидит, отец умел читать её с детства.

Думала о том, что у неё теперь есть имя. Сырцов. Маленькая зацепка, номинальная фигура, но зацепка.

И думала о Северском. О том, что он пришёл именно сейчас. О том, что он знал, когда прийти.

Эти две вещи должны были быть связаны — она чувствовала это, ещё не понимала, как, но чувствовала.

Она легла. Не раздеваясь — просто сверху одеяла, закрыла глаза.

Уснула почти сразу. Тело взяло своё.

Глава 3. Северский

Встреча была назначена на полдень. Ресторан в центре — не пафосный, но из тех, где негромко играет джаз и столики стоят достаточно далеко друг от друга. Место для разговоров, которые не предназначены чужим ушам.

Отец хотел поехать вместе. Вера отказала.

— Я хочу увидеть его без контекста, — объяснила она за завтраком. — Если ты рядом, я буду смотреть на тебя, а не на него. Буду думать — что ты думаешь. Это мешает.

Мать промолчала. Отец согласился — с видом человека, который не согласен, но понимает, что дочь права.

* * *

Вера приехала на десять минут раньше.

На ней было тёмно-синее пальто — купила в Лондоне на третьем году, хорошее, на несколько сезонов. Волосы убрала в хвост. Немного макияжа — она не увлеклась, просто чтобы лицо было лицом, а не бледным пятном с тенями под глазами. Она готовилась к этой встрече как к переговорам.

Не случайно — намеренно. Она хотела увидеть как он входит, как ведёт себя в чужом пространстве до того, как начнётся разговор. Люди в первые секунды — до того, как включили профессиональную маску — бывают честнее чем потом.

Села у дальней стены с видом на вход. Заказала воды. Стала ждать.

Официанту она уточнила — без льда. Лёд звенит в стакане, когда у человека дрожат руки, а ей не хотелось давать никому возможность это услышать. Маленькая предосторожность, которой её научил один знакомый адвокат: убери из обстановки всё, что может выдать тебя против твоей воли. Она расставила приборы чуть ровнее, чем нужно, и заставила руки спокойно лежать на столе.

Северский пришёл за пять минут до назначенного времени.

Она увидела его сразу как только он вошёл — и сразу поняла, что это он, хотя не знала, как он выглядит. Не, потому что он выделялся. Как раз наоборот.

Тёмный костюм, никакого галстука, никаких украшений, никакой демонстративности. Лет тридцать пять — тридцать шесть, как говорил отец. Среднего роста, чуть выше среднего — из тех людей у которых рост замечаешь не сразу, а потом понимаешь что приходится чуть поднимать голову. Тёмные волосы, коротко. Резкие черты лица — скулы, прямой нос, линия челюсти. Не красивый в том смысле в котором красивые люди знают об этом и пользуются — другой тип. Из тех на кого смотришь дольше чем нужно и не можешь сразу объяснить почему.

Собранный без напряжения — то особенное состояние тела, которое бывает у людей привыкших контролировать пространство вокруг себя, не думая об этом.

Он вошёл и сразу огляделся — не суетливо, просто один быстрый взгляд по залу. Профессиональный. Нашёл столик у окна — хороший выбор, видно вход и запасной выход, спиной к стене.

Сел. Достал телефон.

Не смотрел на вход.

Вера взяла стакан воды и пошла к нему.

Она сделала три шага — и он поднял глаза.

Как будто знал заранее.

— Вера Дмитриевна. — Он встал. Пожал руку — коротко, без задержки, без демонстрации силы. — Артём Северский.

— Я знаю, — сказала она.

Лёгкая пауза. Что-то похожее на интерес мелькнуло в его взгляде — быстро, почти незаметно — и исчезло. Осталась ровная нейтральность.

Они сели.

* * *

Официант возник немедленно, как будто ждал сигнала. Северский заказал кофе, не глядя в меню — значит бывал здесь раньше или заранее изучил. Вера попросила воды. Официант исчез.

— Вы изучили моё предложение? — спросил он.

— Я изучила документы отца, — ответила она. — Ваше предложение я слышала в пере­сказе. Хотела бы услышать от вас.

Он смотрел на неё без выражения. Не холодно — просто нейтрально, как смотрят на задачу, которую ещё не решили. Как смотрят когда думают, а не когда чувствуют.

— Я закрываю долги холдинга, — сказал он. — Полностью. Снимаю давление с текущих проектов. Даю вашему отцу два года на восстановление без вмешательства в операционное управление.

— В обмен на что.

— На брак. Официальный, публичный. Сроком не менее двух лет.

Он говорил ровно — без нажима, без попытки смягчить. Просто называл условия, как называют цифры в договоре.

Вера подумала, что это само по себе информация. Человек не чувствует неловкости от того, что говорит. Либо очень привык предлагать такие вещи, либо не считает это чем-то постыдным, либо умеет отделять слова от эмоций так что ничего не просачивается.

— Почему брак, — сказала она. Не вопрос — констатация необходимости объяснить.

— Потому что мне нужна определённая репутация в определённых кругах, — ответил он ровно. — Дочь Лозинского с лондонским образованием — это конкретный сигнал конкретным людям.

— Какой сигнал?

— Что я человек с долгосрочными интересами. Не временная фигура.

Вера взяла стакан воды. Сделала глоток. Дала себе три секунды.

— Вы понимаете, — сказала она спокойно, — что это звучит как объяснение, которое вы приготовили заранее. Удобное и неполное.

Он чуть наклонил голову. Совсем немного — жест не защитный, скорее принимающий.

— Да, — сказал он. — Понимаю.

Она не ожидала такого ответа.

Большинство людей на её памяти, когда им говорили что они говорят неполную правду, реагировали одним из двух способов. Либо начинали объяснять подробнее, наваливать слов, добавлять детали — тем самым подтверждая что правда была неполной и им есть что скрывать. Либо обижались и занимали оборонительную позицию.

Этот просто согласился.

И это было неприятно — не ответ, а то, что он застал её врасплох.

— Вы знаете, кто разрушает бизнес отца? — спросила она напрямую.

Секундная пауза. Почти незаметная.

— Почему вы решили, что знаю?

— Потому что человек с вашими возможностями не приходит на пепелище случайно. Вы пришли именно сейчас — когда холдинг максимально уязвим, когда отцу некуда идти, когда любые условия выглядят приемлемыми. И именно с такими условиями — брак, публичность, репутация. Всё это требовало времени на подготовку. Значит, вы знали, когда прийти.

Северский смотрел на неё. В этот раз нейтральность в его взгляде была чуть другой — как будто он пересматривал что-то, уже решённое. Что-то в его плане или в его ожиданиях.

— Вы умнее, чем ожидал ваш отец, — сказал он наконец.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился он. — Не ответ.

* * *

Джаз играл тихо. За соседним столиком двое мужчин обсуждали что-то про логистику — Вера слышала обрывки, привычно фиксировала, отмечала как нерелевантное. Снег за окном прекратился, и Москва выглядела почти чистой — так бывает после снегопада на несколько часов, пока машины не успели всё испачкать.

— Мне нужно время, — сказала Вера.

— Две недели, — ответил он.

— Три.

Пауза. Короткая — он думал или делал вид что думает.

— Три, — согласился он.

Она встала первой. Он тоже встал — молча, без лишних жестов, без попытки задержать разговор.

— Последний вопрос, — сказала она. — Почему именно я? Не холдинг как актив, не отец как партнёр — а я, конкретно. У отца есть другие активы, которые проще взять.

Северский посмотрел на неё.

В его взгляде было что-то, что она не смогла классифицировать. Не холодность, не расчёт — что-то, что она не ожидала увидеть у человека, которого только что встретила.

— Есть, — сказал он. — Но я предпочёл этот вариант.

Он не объяснил, почему.

* * *

Она вышла на улицу, и февральский воздух ударил в лицо — резкий, честный, без обид.

Прошла полквартиры, свернула за угол, встала у закрытой витрины какого-то магазина. Просто постояла минуту — смотрела на своё смутное отражение в стекле, на прохожих за спиной.

Артём Северский знал больше, чем говорил. Это было очевидно — и он даже не скрывал что знает больше, он просто не говорил. Что уже само по себе информация: человек, который открыто признаёт что говорит неполную правду, делает это либо, потому что привык к безнаказанности, либо, потому что думает, что неполная правда сейчас лучше чем никакой.

Или, потому что умеет играть в долгую.

Вопрос был в другом — он был частью проблемы или частью решения?

Или, что было хуже всего, — и тем и другим одновременно.

Она достала телефон, вызвала Геннадия.

Пока ждала — смотрела на улицу и думала о паузе перед «есть, но я предпочёл этот вариант». О том, что в этой паузе было что-то живое. Не деловое, не расчётное.

Что-то живое — это было и хорошо, и плохо.

Глава 4. Дом

Она вернулась около двух.

Геннадий забрал её без вопросов, просто кивнул. Всю дорогу они молчали — привычно, без неловкости. За окном проплывала зимняя Москва: Садовое кольцо, Бульварное, потом в сторону — старые переулки, знакомые по детству.

Вера смотрела в окно и думала о том, что город изменился меньше, чем она ожидала. Те же пробки — даже в феврале, даже в час дня. Те же вывески, которые меняются, но почему-то всегда выглядят одинаково — как будто одни и те же слова просто переставляют по фасадам. Только рекламные щиты стали другими. Больше доставок. Больше маркетплейсов. Меньше банков.

В Лондоне она привыкла к тому, что реклама — аккуратная, на своём месте, не кричащая. Здесь реклама всегда немного орала. Она забыла об этом, а сейчас вспомнила.

Дом встретил запахом еды.

* * *

Мать готовила, когда волновалась. Это Вера знала с детства — не как наблюдение, а как закон природы. Если на плите стоял суп и одновременно что-то пеклось в духовке, значит, в

семье происходило что-то, о чём вслух не говорили. Если мать пекла пирог — значит, кто-то был болен или обидел. Если варила борщ — значит, ждала кого-то важного или боялась.

Сегодня пахло борщом и пирогом с яблоками.

Оба сразу.

Вера разулась в прихожей, повесила пальто и на секунду просто постояла.

Прихожая была та же. Та же вешалка с резными деревянными крючками, которую отец привёз когда-то из Карелии — он тогда ездил смотреть какой-то объект и вернулся с вешалкой и с запахом хвои. Тот же маленький столик с зеркалом, на котором мать всегда держала вазу с сухими цветами. Сейчас в вазе стояли ветки с хлопком — белые, аккуратные, немного искусственные в своём уюте.

Четыре года — и всё стоит на тех же местах.

Это было свойство родительского дома, которое Вера то любила, то ненавидела. Дом не двигался. Он держал её детство в законсервированном виде, как держат варенье в погребе — на случай, если зимой понадобится что-то сладкое и знакомое. В Лондоне всё менялось каждый сезон: соседи, кофейни, маршруты, она сама. Здесь время как будто соглашалось подождать. Сегодня это было почти невыносимо — потому что под неподвижностью что-то уже сломалось, а дом ещё об этом не знал.

Вера не знала, успокаивает её это или пугает.

* * *

— Ну как? — спросила мать.

Она не уточнила — как что. Оба знали.

— Нормально, — сказала Вера, садясь за кухонный стол.

Кухня была просторной — светлая плитка, деревянные фасады шкафов, большое окно во двор. Мать всегда следила за кухней особенно: цветы на подоконнике менялись по сезону, полотенца всегда свежие, ничего лишнего на столешнице. Сейчас на столе стояла ваза с веткой вербы — февральская, немного раньше срока.

Мать поставила перед ней чашку чая — не спрашивая, автоматически, как делала это тысячу раз. Крепкий, с молоком. Вера в Лондоне пила только чёрный, без ничего. Там казалось, что молоко в чае — это слишком по-детски, слишком домашнее. Сейчас взяла чашку и не сказала ничего.

Мать вернулась к плите. Помешала борщ, убавила огонь, переставила какую-то кастрюлю. Поставила противень с пирогом обратно в духовку. Все эти мелкие движения — привычные, точные — которые означали «я рядом, но не давлю».

Вера смотрела на мать.

Наталья Лозинская была красивой женщиной — классически красивой, без усилий, просто так устроено. Всегда одета аккуратно, даже дома. Волосы убраны. Никакого разброса — только намеренное, только то, что хотела показать.

Сейчас под этой аккуратностью что-то стояло другое. Вера увидела это только сейчас — может, потому что давно не видела мать в обычной обстановке. Напряжение в плечах. Движения чуть более точные чем нужно — как у человека, который следит за собой, чтобы не выдать.

— Мам, — сказала Вера. — Ты его видела? Северского?

— Один раз. — Мать не обернулась. — Он приезжал к отцу в ноябре.

— И?

Мать помолчала. Это была её особенная пауза — не растерянность, а что-то вроде взвешивания. Наталья Лозинская умела взвешивать слова так, чтобы потом не пожалеть. За двадцать пять лет брака она, видимо, научилась что не каждое слово нужно говорить вслух.

— Вежливый, — сказала она наконец. — Очень вежливый. Знаешь, как бывают вежливые люди, у которых за этой вежливостью — стена. Вот он такой.

Вера кивнула. Точное попадание. Это совпадало с тем, что она увидела сама.

— Пап при нём как себя держал?

— Как держался. — Мать чуть помедлила. — Мне кажется, он его боится немного. Не так чтобы явно. Но — боится.

Это было важно. Отец не боялся людей просто так. Он умел уважать силу, умел признавать чужую правоту, но страх — нет. Это не его было.

Значит, в Северском есть что-то, что отец не может понять, не может взять под контроль. А непонятное пугает даже сильных людей.

Вера обхватила чашку ладонями — горячая, почти обжигает — и уставилась в стол. На столешнице было маленькое пятно от кофе, почти незаметное. Она помнила этот стол с тех пор, как себя помнила. Делала за ним уроки. Спорила с матерью. Читала, когда не спалось ночью — уходила на кухню, наливала молоко, садилась с книгой под ту же лампу.

Странно возвращаться в место, где каждая царапина — это ты.

* * *

Вечером она поднялась к себе.

Разобрала чемодан — без спешки, почти механически. Раскладывала вещи по полкам и думала о том, что в Лондоне у неё была маленькая квартира в Ислингтоне, где каждый сантиметр был её собственным решением. Она сама выбирала, куда повесить полотенце, где поставить кофемашину, какого цвета купить занавески. Мелочи, но именно из них складывалось ощущение — это моё, я здесь живу, я здесь хозяйка.

Здесь всё было не её.

И в то же время — больше её, чем что-либо в Ислингтоне.

Она достала из чемодана любимую чашку — привезла специально, единственная вещь, которую купила для себя без повода. Керамическая, ручной работы, с неровным краем. Купила на рынке в Брикстоне случайно, в воскресенье, когда шла за продуктами. Поставила на подоконник. Стало немного лучше.

Потом достала телефон и написала подруге — Кате, с которой они вместе учились последние два года в Лондоне. Катя была из Петербурга, специализация — коммерческое право, характер — прямая как линейка но при этом умела смеяться над собой. Они сошлись на втором семестре, когда обе провалили один и тот же экзамен, пришли в один и тот же бар и обнаружили друг друга.

«Приехала. Всё сложно. Как ты?»

Катя ответила через минуту, как всегда:

«Скучаю. Расскажи. Сложно — это насколько?»

Вера смотрела на экран и думала — как объяснить. Что отца тихо разоряли полтора года и он только сейчас сказал. Что есть человек по имени Северский с предложением, от которого не так просто отказаться. Что она сидит в своей детской комнате и не понимает, как это вообще случилось — как из взрослой самостоятельной жизни она вдруг снова оказалась дочерью которую спрашивают — ну что, согласна?

«Пока не знаю, как объяснить», написала она. «Позвоню завтра».

Катя прислала сердечко и больше не писала. Это тоже было про неё — никогда не лезла, если не звали. Просто давала понять что здесь, если нужно.

Вера убрала телефон.

За окном горели огни соседних домов. Где-то лаяла собака — сначала часто, потом стихла. Из кухни доносился приглушённый звук телевизора — отец смотрел новости, как каждый вечер последние двадцать лет. Это было так неизменно, так предсказуемо, что почти успокаивало.

Она легла поверх одеяла, не раздеваясь, и уставилась в потолок.

Потолок тоже был прежним. Маленькая трещина у карниза — её ещё в школе кто-то обещал заделать, но так и не заделал. Жила все эти годы пока Вера была в Лондоне, делала свои дела.

Она думала о Северском. О том, как он сказал — «есть, но я предпочёл этот вариант». О паузе перед этим ответом. О том, как он был готов почти ко всем её вопросам — почти. Значит, был один вопрос, который его застал врасплох. Или почти застал.

Она думала об ООО «Стройинвест-Гарант» и о человеке по имени Сырцов, за которым стоит кто-то другой.

Она думала о том, что четыре года готовилась к одной жизни, а вернулась в другую. Что учила финансовое право, чтобы работать — по-настоящему работать, строить что-то своё, — а оказалась в ситуации, где всё её образование нужно для того, чтобы понять в какую ловушку попала семья.

Это было несправедливо.

Она позволила себе подумать об этом прямо — без смягчений, без «ну, бывает» и «справимся». Просто: это несправедливо. Я не заслужила возвращаться в это. Я хотела другого.

Полежала с этой мыслью минуты три.

Потом встала, умылась, переделалась и легла нормально.

Жалеть себя — потом. Сначала нужно было понять, кто такой Сырцов.

Глава 5. Утро

Она проснулась в половину восьмого.

Не от будильника — просто проснулась, как просыпалась всегда дома. Тело помнило этот дом лучше, чем она думала. В Лондоне она вставала в девять, иногда в десять, и это было завоёванным правом взрослого человека, живущего по своему расписанию. Здесь что-то внутри само переключилось на старый режим — раньше, бодрее, с ощущением что нужно куда-то успеть.

Она полежала ещё немного, слушая дом.

Внизу уже ходили — слышались шаги, негромкий звук холодильника, потом запах кофе пополз по лестнице вверх. Мать вставала в семь всю жизнь, неважно что происходило. Отец обычно позже — но сейчас, судя по голосам, был уже на кухне.

Значит не спалось.

Или встал специально, чтобы поговорить с ней. Отец иногда так делал — не звал, просто оказывался рядом в нужный момент.

Вера встала, умылась, убрала волосы в хвост. Посмотрела на себя в зеркало — быстро, без особенного интереса. Проверила, что лицо на месте. Спустилась.

На лестнице, у окна между этажами, она задержалась. Отсюда был виден двор: занесённые снегом качели, которые отец поставил, когда Никита был маленьким, и не убрал потом ни разу; голые яблони, посаженные матерью; следы чьих-то ботинок к калитке и обратно — Геннадий, наверное, проверял машину. Обычная утренняя картина обычного дома. Вера смотрела на неё несколько секунд и думала, сколько всего этого можно потерять одним росчерком в чужом договоре.

* * *

За кухонным столом сидел Никита.

Младший брат появился, когда она уже не ждала его раньше полудня. В её воспоминаниях Никита спал до обеда и появлялся на кухне взъерошенный и ищущий кофе. Оказывается, за четыре года что-то изменилось.

Ему было двадцать два. Четвёртый курс Вышки. Он вернулся из общежития домой несколько месяцев назад — мать написала об этом коротко: «Никита переехал обратно, помогает». Помогает — это означало живёт рядом и видит, как всё рушится.

Вера смотрела на брата — он вырос пока её не было. Не только в сантиметрах, хотя и в них тоже: теперь голова на голову выше неё. Тёмные волосы, всегда немного растрёпаны. Лицо открытое, с отцовскими скулами, но мягче. Большие руки, которые держат телефон с той особенной осторожностью высоких людей в маленьких пространствах.

Он сидел, ел яичницу и не смотрел на вход. Потом поднял глаза — и улыбнулся.

Не той улыбкой, которой встречают после долгой разлуки — широко, бурно, с объятиями. Просто — искренне, немного криво, по-своему. Никита всегда улыбался немного набок, с детства.

— Явилась, — сказал он.

— Явилась, — согласилась она и села напротив.

* * *

Мать поставила перед ней кофе и тарелку с бутербродами и тихо вышла — у неё было это умение исчезать в нужный момент, когда детям надо поговорить без родителей.

Отца на кухне уже не было — ушёл к себе, видимо, как только услышал её шаги.

Никита доел яичницу, отодвинул тарелку. Посмотрел на сестру.

— Ну, — сказал он. — Была у него?

— Была.

— И?

— Пока не знаю, — сказала Вера честно. — Он странный.

— Северский? — Никита хмыкнул. — Это мягко сказано.

Она посмотрела на него внимательнее. Что-то в тоне — не просто мнение, опыт.

— Ты его видел?

— Пару раз. Приезжал к отцу. — Никита взял телефон, потом отложил — жест человека, который хотел уйти в экран, но решил остаться в разговоре. — Он не такой, каким кажется.

— В смысле?

— В смысле — он не злодей из сериала. Понимаешь? Вот ждёшь, что будет давить, угрожать, вести себя как человек, который пришёл забирать. А он просто сидит, говорит спокойно, и от этого почему-то становится хуже.

Вера подумала о вчерашнем разговоре. О том, как он сказал «да» на её обвинение — просто, без защиты.

— Хуже почему?

— Потому что непонятно, чего от него ждать. — Никита поднял на неё взгляд. — Со злодеем понятно что делать. А с ним — нет.

Они помолчали. За окном было серое утро, снег перестал, и двор выглядел как плохо стёртая школьная доска — белое с серым.

— Ник, — сказала она. — Ты что-нибудь знаешь про компанию «Стройинвест-Гарант»?

Что-то в его лице чуть изменилось. Совсем немного — и она бы пропустила это, если бы не знала его двадцать два года. Такое лёгкое сужение взгляда. Не ложь — но что-то скрывается.

— Нет, — сказал он. — А что это?

— Контрагент. Однодневка. Через неё ушли деньги из холдинга.

— Ну, мало ли однодневок.

— Эта — конкретная. Я нашла её в документах. — Она смотрела на него. — Ник.

— Что?

— Ты сейчас соврал.

Пауза. Никита смотрел на стол, потом поднял глаза — и в них было что-то, что она не видела у него раньше. Не страх. Скорее — усталость человека, который слишком долго держит что-то один.

— Я не знаю про компанию, — сказал он. — Честно. Но я слышал это название. Один раз, случайно. Осенью.

— От кого?

Он помолчал.

— От Ветрова, — сказал он наконец. — Я зашёл в кабинет к отцу, а они разговаривали. Не заметили меня. Ветров говорил что-то про эту компанию и про то, что «всё чисто, докопаться невозможно». Я не понял тогда, о чём речь. Просто запомнил, потому что показалось странным.

— Ты сказал отцу?

— Нет. — Никита потёр висок. — Я не был уверен, что правильно понял. И потом Ветров уехал, и я думал — ну, уехал, и ладно.

Вера смотрела на брата. Двадцать два года, четвёртый курс. Он слышал что-то важное и держал при себе несколько месяцев. Не, потому что плохой человек — а, потому что не знал, что с этим делать. Потому что говорить страшнее, чем молчать.

— Больше ничего не слышал? — спросила она тихо.

— Нет. — Он покачал головой. — Вер, ты думаешь, это Ветров всё устроил?

— Не знаю ещё. — Она взяла кофе, сделала глоток. Кофе был холодноватым. — Но он точно знал больше, чем говорил отцу.

Никита кивнул медленно.

Они ещё посидели — не говорили ни о чём важном, просто так. Про его учёбу, про её Лондон. Она рассказала немного — про Катю, про парк рядом с домом куда ходила думать по утрам с кофе, про лекции, которые иногда затягивались до вечера.

— Скучаешь? — спросил Никита.

— По ощущению — да. По конкретным вещам — меньше, чем думала.

— По людям?

— По одному человеку, — сказала она. — По Кате. Остальные — переписка, и нормально.

Никита кивнул понимающе.

— Здесь тоже привыкнешь, — сказал он. — Только ситуация дурацкая.

— Это да.

Потом Никита встал, унёс тарелку в раковину, сполоснул — привычка, которой у него не было в детстве, значит вырос.

— Вер, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты не соглашайся просто так. Ладно? Найди сначала выход нормальный.

— Ищу, — сказала она.

Он кивнул и вышел.

* * *

День прошёл без событий — почти намеренно.

Она читала, смотрела в окно, один раз вышла пройтись по переулкам рядом с домом. Ноги сами несли по старым маршрутам — мимо булочной, которая теперь стала цветочным, мимо сквера с облезшими скамейками. Постояла там минут десять, смотрела на голые деревья.

В Лондоне она ходила думать в парк — Виктория, иногда Риджент, зависело от настроения и погоды. Здесь был этот сквер — три скамейки, несколько ёлок, голубятня которую давно никто не чистил.

Наверное, сойдёт.

Вечером поужинали все вместе — впервые за четыре года. Отец рассказывал что-то про давний проект, мать накладывала всем добавку, Никита спорил про футбол. Всё было почти нормально — тёплое, домашнее, настоящее.

Если не думать о том, что лежало под этой нормальностью.

Вера думала. Но за столом не показывала.

Глава 6. Никита. Аня

Он познакомился с ней за неделю до того, как прилетела Вера.

Не романтично — в очереди к принтеру на кафедре. Принтер заел, он пытался починить, она стояла сзади и давала советы, которые не помогали.

— Может просто перезагрузить, — сказала она в третий раз.

— Уже три раза перезагружал, — сказал он не оборачиваясь.

— Четыре — счастливое число.

Он обернулся.

Девушка лет двадцати. Невысокая, с тёмно-русыми волосами до плеч — сейчас убраны в небрежный пучок из которого выбиваются пряди. Большой оверсайз-свитер, джинсы, кроссовки — одевается не для впечатления. Карие глаза, прямой взгляд. Лицо с веснушками на носу, которые она, судя по всему, давно перестала замечать.

Смотрела серьёзно — не кокетничала, просто говорила, что думала.

— Аня, — сказала она. — Экономический факультет, третий курс.

— Никита. Четвёртый.

— Значит ты старший, — сказала она. — Перезагрузи ещё раз.

Он перезагрузил. Принтер заработал.

— Четыре, — сказала она. — Я же говорила.

* * *

Они разговорились пока ждали распечатки.

Оказалось — живёт недалеко от его дома, ездит на той же ветке метро. Оказалось — читает то же самое что он, и смотрит примерно те же сериалы, и не любит когда в кафе громкая музыка.

Обычные совпадения. Но их было много.

Он записал номер — не уверен был зачем, просто записал.

Написал на следующий день. Она ответила быстро — коротко, по существу, как разговаривала. Без лишних слов.

Они встретились в кафе. Потом ещё раз.

Потом прилетела Вера, и дома стало другим, и Никита на время выпал из этой только начавшейся истории — голова была занята другим.

Но Аня никуда не делась.

Писала иногда — коротко, не требуя ответа. «Видела твой район, красиво там зимой». «Помнишь тот принтер — он снова сломался». «Как ты».

Последнее он перечитывал иногда ночью, когда не спалось.

«Как ты» — просто так. Не, потому что надо. Просто, потому что интересно.

Это было что-то. Он не знал ещё что.

Но что-то.

Глава 7. Ночь. Звонок

Она уснула около полуночи.

Не сразу — долго лежала с закрытыми глазами и думала. Это была особенная работа, которую она научилась делать ещё в Лондоне — ночная работа, когда тело уже устало, а голова продолжает раскладывать карточки. Сырцов. Ветров. Протокол от четырнадцатого сентября. Северский с его «я предпочёл этот вариант». Мать у плиты с борщом.

В какой-то момент карточки перестали складываться в картину и просто плавали, и она поняла — это уже не мысли, это уже сон начинается. Повернулась на бок, потянула одеяло.

Уснула.

Сон был неглубоким и беспокойным — из тех, в которых продолжаешь решать ту же задачу, только без правил и без логики. Ей снились бумаги, которые перекладывались сами

собой, и чьё-то лицо в дверях кабинета, которое она никак не могла разглядеть. Потом всё это растворилось, и осталась только темнота и ровное дыхание дома вокруг — до того момента, пока темноту не разрезал звонок.

* * *

Телефон зазвонил в половину второго.

Она проснулась не сразу — сначала звук вошёл в сон как что-то далёкое, чужое, потом стал ближе и она открыла глаза.

Темнота. Знакомый потолок с трещиной у карниза — она успела рассмотреть его за секунду пока телефон звонил снова.

Незнакомый номер. Московский, но незнакомый.

В половину второго ночи незнакомый номер — это почти никогда не бывает хорошим. Она смотрела на экран, пока он звонил — три, четыре, пять раз — и думала: дать или нет. Ошиблись номером. Или не ошиблись.

Что-то внутри сказала: возьми.

— Да, — сказала она.

Голос у неё был ровным — не сонным, не испуганным. Просто ровным. Она умела это.

Тишина на секунду. Потом мужской голос — негромкий, немного хриловатый, как у человека, который давно не спал или долго не решался позвонить.

— Вера Дмитриевна?

— Да. Кто это?

— Меня зовут Павел. — Пауза — короткая, но в ней было много. — Павел Сырцов.

Она села в кровати.

Сырцов. Павел Анатольевич Сырцов, директор ООО «Стройинвест-Гарант», адрес регистрации — жилая квартира в Люберцах. Номинальная фигура, человек-прокладка, через которого из холдинга ушли восемнадцать миллионов.

Она обнаружила его вчера ночью в документах. Записала имя в телефон. Поставила рядом вопросительный знак.

Теперь он звонил ей сам.

В темноте комнаты горел только экран телефона. Бледный прямоугольник света.

— Я знаю, кто вы, — сказала она ровно. — Откуда у вас мой номер?

— Это неважно. — Он говорил тихо, как говорят люди, которые боятся, что их услышат. Не шёпотом — тихо, контролируя голос. — Важно другое. Я хочу встретиться. Есть вещи, которые вам нужно знать. Про вашего отца. Про Северского. Про то, что происходит на самом деле.

Вера молчала. Слушала его дыхание в трубке — ровное, но немного частое. Человек нервничает.

— Почему я должна вам доверять?

— Не должны, — сказал он. — Я понимаю. Совершенно незнакомый человек, звонит ночью. Вы имеете право считать меня провокатором или сумасшедшим. — Пауза. — Но если не встретитесь — пожалеете. Не, потому что я угрожаю. Просто, потому что без этого вы будете решать вслепую. А ставки слишком высокие чтобы делать это вслепую.

Вера смотрела в темноту за окном. Московская ночь — огни в отдалении, тёмный двор, уличный фонарь с рыжим кругом света на снегу.

— Где, — сказала она.

Он, кажется, не ожидал что она согласится так быстро — была микропауза, почти незаметная.

— Завтра. Я пришлю адрес утром. Приходите одна. — Снова пауза — длиннее. — И не говорите Северскому.

— Почему?

— На встрече объясню.

Он отключился.

* * *

Вера сидела в темноте с телефоном в руках.

За окном было тихо. В доме тихо — ни шагов, ни голосов. Три часа ночи в семье Лозинских выглядели одинаково с тех пор, как она себя помнила: мать давно спала, отец иногда засиживался в кабинете, но сейчас и он затих.

Только она сидела в детской комнате и смотрела на незнакомый номер в журнале вызовов.

Павел Сырцов позвонил сам.

Она перебирала возможные объяснения — методично, как разбирала документы. Первое: он действительно испугался и хочет говорить. Что-то произошло, что-то изменилось, он решил, что молчать опаснее. Второе: его прислали — проверить её, прощупать, узнать что она знает. Третье: он сам не понимает до конца что делает — просто пошёл на отчаянный шаг, потому что больше нечего терять.

Любой из вариантов требовал одного и того же действия: прийти и посмотреть.

Не поверить. Не доверять. Просто прийти и посмотреть.

Северский. Не говорите Северскому.

Это была отдельная задача. Она думала о том, что значит это требование. Либо Сырцов боится Северского — значит считает его частью схемы. Либо Сырцов боится тех, кто следит за Северским — и это другая история совсем.

Она пообещала себе: приду. Но сначала напишу Кате адрес, как делают люди, которые идут на встречу с незнакомцами ночью и хотят, чтобы кто-то знал, где они.

Здравый смысл. Базовая безопасность.

Она легла обратно. Положила телефон рядом, чтобы не пропустить когда придёт адрес.

Закрыла глаза.

За окном где-то далеко проехала машина. Потом тишина.

Уснуть, конечно, не получилось.

Она лежала и думала о Сырцове — о его голосе, о том, как он произнёс «не говорите Северскому», о паузе перед этим. О восемнадцати миллионах, которые подписал и деньгах, которые взял. О том, что он позвонил всё равно.

Интересно — что именно случилось, что он решился.

Она думала об этом долго, почти до рассвета.

Глава 8. Сырцов

Адрес пришёл в восемь утра.

Просто строчка текста, без подписи, с того же незнакомого номера: улица, номер дома, кафе «Утро». Она открыла карты — спальный район на юго-востоке, сорок минут на метро. Не центр, не деловой квартал. Место, где никто не будет смотреть.

Она не сказала отцу. Не сказала Никите.

Написала только Кате — адрес и имя Сырцова — с припиской: если не напишу до часа дня, позвони маме. Катя ответила немедленно: ты серьёзно? Потом: хорошо. Будь осторожна.

В метро она стояла у двери и смотрела на своё отражение в тёмном стекле. За четыре года в Лондоне она ездила в метро каждый день — привыкла к тому, как люди там стоят, каждый в своём пузыре, наушники, телефон, взгляд в никуда. Здесь было немного иначе — люди смотрели, иногда открыто, без извинений. Женщина напротив читала бумажную книгу. Мужчина рядом спал стоя, держась за поручень. Девочка лет шести объясняла что-то маме быстрым шёпотом.

Обычное утро. Обычные люди.

А она едет на встречу с человеком, которого вчера утром не знала, и не понимает — это смелость или глупость.

Наверное, и то и другое.

Она поймала себя на том, что считает остановки не по названиям, а по времени — так, как делают люди, которые не до конца доверяют тому, куда едут. Сорок минут. Она могла развернуться на любой из них, выйти, подняться наверх, вызвать машину и вернуться домой — к борщу, к отцу, к понятной беспомощности. Никто бы не узнал. Сырцов написал бы ещё раз или не написал бы вовсе. И всё осталось бы как есть — медленно тонущим. Поэтому она не вышла.

* * *

Кафе «Утро» нашлось сразу — узкая дверь в торце панельного дома, вывеска с кофейной чашкой. Внутри — маленькое, шесть столиков максимум, стулья с мягкими сиденьями в клетку. Стойка с выпечкой под стеклом: круассаны, несколько пирожков. Телевизор на стене с выключенным звуком — шёл какой-то утренний канал. Пахло кофе и ванилью от выпечки.

На двух столиках сидели люди — пожилой мужчина с бумажной газетой, молодая женщина с ноутбуком. Обычное утро обычного кафе в спальном районе.

Сырцов был в углу.

Она узнала его не, потому что видела раньше — а, потому что он смотрел на вход с тем напряжением, с которым смотрят люди, которые ждут и боятся, что не придут.

Лет тридцать пять. Обычное лицо — не запоминающееся, не примечательное. Куртка, свитер, мешки под глазами. Перед ним стоял стакан с чаем, к которому он, судя по виду, не притрагивался.

Она подошла, села напротив.

Он выдохнул — почти незаметно.

— Пришли, — сказал он.

— Пришла, — подтвердила она. — Говорите.

Он обхватил стакан с чаем ладонями. Жест машинальный — не пьёт, просто держит, как что-то, за что можно держаться.

— Я понимаю, как это выглядит, — начал он. — Директор однодневки, звонит ночью. Вы имеете право мне не верить.

— Я и не верю, — сказала она спокойно. — Но слушаю.

Он кивнул — без обиды.

— Компанию на меня оформили полтора года назад. Я тогда работал в строительной фирме, небольшой. Пришёл человек, сказал — нужно юрлицо, номинальный директор, раз в месяц подписывать бумаги, хорошо заплатим. Я согласился. — Он смотрел в стол. — Мне тогда деньги были нужны. Жена, ребёнок маленький. Я не думал, что это серьёзно.

Вера слушала. Потом спросила:

— Вы часто так делаете? Соглашаетесь не думая?

Он посмотрел на неё. Не обиделся — просто подумал.

— Раньше — да, — сказал он. — Я всегда хотел помочь. Кто-то просит — я помогаю. Это с детства. Отец говорил — Паша, ты со своей добротой когда-нибудь влипнешь. — Горькая усмешка. — Влип.

— Доброта тут ни при чём, — сказала Вера.

— При чём, — сказал он. — Я не злой человек, поэтому не думал, что другие злые. Думал — мало ли, может правда просто юрлицо нужно. Может у человека какие-то свои причины.

— Были причины, — сказала Вера. — Только не те, что вы думали.

— Бумаги подписывали не глядя?

— Глядел. Но не понимал. Договора поставки, накладные — всё выглядело нормально. Я не финансист.

Вера слушала и одновременно смотрела на него — не на слова, а на то, как он говорит. Люди, которые врут, обычно либо слишком гладко, либо слишком подробно. Он говорил с паузами, иногда терял нить, возвращался. Это выглядело как правда. Но это ещё ничего не значило.

— Когда вы поняли, что происходит?

— Когда пришли, — сказал он тихо.

— Кто пришёл?

— Не знаю имени. Двое. Сказали: ты сделал что надо, теперь сиди тихо. Если кто-то спросит про компанию — знать ничего не знаешь, ни с кем не встречался. — Он наконец сделал глоток чая. — И сказали ещё одно. Что если я буду говорить — у меня есть жена и дочь.

В кафе было тепло и обыкновенно. Телевизор на стене показывал какую-то утреннюю программу. Женщина с ноутбуком что-то напечатала и потёрла глаза.

— Почему вы тогда пришли ко мне? — спросила Вера.

— Потому что узнал о Северском, — сказал Сырцов. — Что он предложил вашему отцу этот брак. И понял — всё идёт не туда.

— Что значит не туда?

Он помолчал. Посмотрел на неё — впервые за весь разговор прямо, без опускания глаз.

— Северский не спаситель, — сказал он. — Но и не тот, кто устроил это с вашим отцом. Я не знаю, кто он точно. Но те двое, что приходили ко мне — они упоминали другое имя. Не Северский. Другое.

— Чьё?

Он снова опустил взгляд.

— Я не скажу здесь. Не, потому что не хочу. Потому что не уверен, что мы одни.

Вера не обернулась — это было бы слишком очевидно. Но краем зрения прошлась по кафе. Пожилой мужчина читал газету. Женщина смотрела в ноутбук. Никто не смотрел на них.

Это тоже ничего не значило.

— Хорошо, — сказала она. — Как тогда?

— Я напишу. — Он достал из кармана сложенный листок, положил на стол между ними. — Здесь номер. Не мой телефон — другой. Напишите туда, я отвечу.

Она взяла листок, не разворачивая.

— Ещё одно, — сказал Сырцов. — Я сказал вам не говорить Северскому. Это важно. Не, потому что он враг. А, потому что если он узнает, что я вышел на вас — человек, чьё имя я знаю, узнает раньше, чем вы успеете что-то сделать.

— Вы думаете, Северский сливает информацию?

— Я думаю, — сказал он осторожно, — что вокруг него есть люди, которые следят. И не все они на его стороне.

Она смотрела на него. Усталый человек в углу кафе, который боится за жену и дочь и всё равно пришёл сюда.

— Зачем вы вообще это делаете? — спросила она тихо. — Если так опасно.

Он ответил не сразу.

— Потому что я подписал те бумаги, — сказал он наконец. — И деньги взял. И молчал. — Пауза. — Должен же быть какой-то предел.

Вера встала. Взяла пальто.

— Я напишу, — сказала она.

Он кивнул. Не поблагодарил — просто кивнул, как человек, который сделал что мог и теперь ждёт, что будет дальше.

Она вышла на улицу.

Спальный район на юго-востоке выглядел как тысячи таких районов — панельные девятиэтажки, детская площадка с железными горками, магазин в цоколе, парикмахерская. Люди шли по своим делам, не глядя друг на друга. Обычное утро обычного места.

Было холодно, ветрено, небо низкое и белое. Снег таял под ногами — не кончился, просто примялся. Она шла к метро и думала о том, что у неё теперь есть листок с номером, имя, которого она не знает, и человек, которому непонятно насколько можно верить, и ощущение, что под историей отца есть ещё один слой — и под ним, возможно, ещё один.

И посередине всего этого — Артём Северский, про которого она не знает главного.

Она достала телефон и написала Кате: всё нормально. Расскажу потом.

Потом убрала телефон и спустилась в метро.

Глава 9. Внутри

Домой она вернулась около полудня.

Никита был в своей комнате — слышно было, как у него что-то играет негромко. Мать уехала по делам. Отец, судя по тишине из кабинета, либо работал, либо спал. Вера разулась в прихожей, повесила пальто и поднялась к себе, не заходя ни к кому.

Закрыла дверь. Легла на кровать поверх покрывала.

И просто лежала.

Не думала пока — просто лежала и смотрела в потолок. На трещину у карниза. За окном шёл мелкий снег, и комната была в том особенном зимнем полусвете, который она помнила с детства — не тёмный и не светлый, мягкий, немного ватный.

Она позволила себе не думать минут десять.

За эти десять минут снег за окном успел смениться — сначала мелкий, потом крупными хлопьями, которые садились на стекло и таяли, оставляя короткие мокрые дорожки. Она следила за одной такой дорожкой, пока та не дошла до нижнего края рамы, и думала ни о чём — о форме облаков, о том, что надо позвонить Кате, о трещине у карниза. Это была не лень. Это была дисциплина другого рода: дать голове остыть, чтобы потом думать чисто. В Лондоне её научили и этому.

Потом думать всё равно начала.

* * *

Страшно было не то, что она не знала, кому верить.

Это она умела — не знать и продолжать. Четыре года в чужой стране, где сначала всё непонятно, все чужие, и ты идёшь вперёд просто, потому что остановиться нельзя. Она умела действовать в неопределённости.

Откуда это взялось — она иногда думала. Может от отца: он тоже не рефлексировал вслух, просто делает. Видит задачу — решает. Видит проблему — идёт к ней. Она, видимо, взяла это и добавила своё — умение разделять. Работа отдельно, чувства отдельно, разбираться с ними потом.

А может — просто уехала в восемнадцать. Когда живёшь один в чужом городе и некому пожаловаться — учишься справляться сам. Или не учишься и ломаешься. Она не сломалась. Значит, как-то научилась.

Страшно было другое.

Страшно было ошибиться — и чтобы за эту ошибку заплатил кто-то другой.

Она лежала и думала об отце. О том, как он стоял у окна спиной. О том, что он сказал — «я не прошу тебя соглашаться» — и как это было правдой и одновременно неправдой, потому что выбора, по существу, не было.

Если она ошибётся — отец заплатит за её ошибку.

Никита заплатит.

Мать с её фарфоровой улыбкой и борщом на плите.

Вера закрыла глаза.

* * *

Она думала о Лондоне.

Не с ностальгией — просто думала. Как думают о месте, которое было настоящим.

В первый год там было тяжело. Язык она знала хорошо, это не было проблемой — проблемой было другое. Одиночество особого рода, которое бывает когда вокруг люди, и они вежливые, и они готовы общаться, но между тобой и ними — слой стекла. Они не понимают откуда ты. Ты не понимаешь их изнутри.

Она преодолела это не, потому что стало легче — а, потому что решила, что будет работать. Просто работать, больше всех, лучше всех. Если нет связей — будут результаты. Это можно контролировать.

И получилось.

К третьему году она знала, кто есть кто на потоке, какие профессора ценят какой подход, где искать стажировки. Завела связи — не блестящие, но рабочие. Катя стала настоящей подругой. Был Марк — хороший, недолгий, без обид.

Она строила жизнь. Маленькую, но свою.

И вот она лежит в детской комнате с трещиной у карниза, и эта жизнь кажется очень далёкой. Не потерянной — именно далёкой. Как что-то, что было и есть, но сейчас не здесь.

* * *

Она думала о том, как уезжала.

Отец привёз её в аэропорт сам — четыре года назад, в августе. Он молчал всю дорогу, только перед выходом сказал: «Звони». Она сказала — буду. Он обнял её — быстро, крепко, как будто боялся, что если долго, то не отпустит.

Она прошла паспортный контроль и не обернулась.

Не, потому что не хотела. Потому что знала — если обернётся, будет труднее. Она умела делать труднее лёгким: не оборачиваться, идти вперёд, разбираться с чувствами потом.

Потом так и не разобралась толком. Позвонила через три дня — когда устроилась в общепит, нашла продуктовый рядом, поняла, как работает местная sim-карта. Сказала — всё нормально, устроилась. Отец сказал — молодец. И всё.

Они так разговаривали потом четыре года — коротко, по делу, с редкими «как ты» которые означали скорее «ты там не умер» чем реальный интерес к внутреннему состоянию.

Это было не плохо. Просто так получилось.

Теперь она здесь — и вдруг оказывается что умеет разговаривать с ним иначе. Что он умеет. Что между ними больше, чем она думала, пока была далеко.

Это было неожиданно.

* * *

Была ещё одна вещь, о которой она не давала себе думать слишком долго. Северский.

Не как угроза и не как загадка — а как человек. Она поймала себя на том, что помнит разговор с ним слишком детально. Как он сидел — с той особенной собранностью, которая бывает у людей, привыкших контролировать пространство вокруг себя. Как он сказал «да» на её обвинение — без защиты, без объяснений.

Это было неудобно — помнить такие детали о человеке, которому нельзя доверять.

Или нельзя? Сырцов сказал — он не тот, кто устроил это с отцом. Но и не спаситель. Кто тогда?

Вера знала, что задаёт себе этот вопрос чаще, чем нужно. И знала, почему.

Если он враг — всё просто. Найти другой выход, отказать, бороться.

Если он жертва обстоятельств — сложнее. Тогда они, возможно, по одну сторону, и это меняет правила.

Если он что-то среднее — тогда совсем трудно. Потому что с такими людьми нельзя вести себя ни как с врагами, ни как с союзниками.

* * *

Снег за окном усилился, потом стих.

Она думала о маме — о том, как та утром молча поставила перед ней кофе с молоком. Маленькое, привычное, без слов. Мать умела любить именно так — без деклараций, через еду, через внимание к мелочам.

В Лондоне этого не было. Там она сама себе ставила кофе, сама выбирала что есть, сама решала каждый день заново. Это была свобода — настоящая, не показная.

Но иногда, в усталые вечера, она думала о том, что кто-то мог бы просто поставить чашку. Без слов. Просто, потому что видит.

Марк видел — немного, по-своему. Катя видит — всегда.

А здесь — мать. Которая не спрашивает, а просто знает. Крепкий, с молоком.

Может быть именно поэтому так странно — здесь тяжело и одновременно есть что-то, чего в Лондоне не было. Что-то тёплое, без слов, которое она, оказывается, скучала.

* * *

Она повернулась на бок, смотрела в стену.

На стене висела маленькая репродукция — Левитан, осенний лес. Мать повесила когда Вере было лет двенадцать. Вера тогда сказала, что это скучно. Мать сказала — вырастешь — поймёшь.

Она выросла.

Ещё не вполне поняла.

Но уже не казалось скучным.

* * *

Она лежала ещё немного — уже не думая ни о чём конкретном, просто давая себе побыть в этой тишине. Комната была тёплой. Снег за окном шёл тихо.

Потом она встала.

Умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало.

Тёмные волосы, чуть ниже плеч — сейчас растрёпаны после сна. Серые глаза, чуть зеленоватые — мать говорила, что это отцовские. Рост чуть выше среднего, осанка прямая — привычка которую выработала в Лондоне, там как-то само получилось.

Усталость была видна. Тени под глазами, бледность. Три дня в этом доме — а ощущение как три недели.

Нормально. Работает тело. Голова работает.

Заправила кровать — просто, потому что заправленная кровать это маленький порядок, а маленький порядок сейчас был важен.

Взяла со стола листок Сырцова.

Развернула.

Номер телефона. Больше ничего.

Она взяла телефон и написала в мессенджер на этот номер одно слово:

Слушаю.

Глава 10. Ответ

Ответ пришёл через сорок минут.

Она была на кухне — пила чай, смотрела в окно, давала себе отдохнуть от документов. Голова после ночной работы плохо держала нити, ей нужен был перерыв. Она просто сидела и смотрела как воробей на ветке за стеклом клюёт что-то своё, серьёзный и занятый.

Экран телефона мигнул.

Незнакомый контакт. Одно сообщение.

«Это не Сырцов».

Она поставила кружку.

Посмотрела на сообщение. Потом на номер — тот самый, который дал Сырцов на листке. Значит, кто-то другой с доступом к этому номеру. Или Сырцов соврал что это его номер и дал чужой специально.

«Кто это?» — написала она.

Она держала телефон в обеих руках и смотрела на три точки, которые то появлялись, то гасли на той стороне. Кто-то печатал, стирал, печатал снова. Это говорило о многом: человек на той стороне тоже выбирал слова, тоже взвешивал, что можно открыть, а что пока нет. Значит, не случайный. Значит, у него есть что терять — иначе зачем так осторожничать в простом сообщении. Вера заставила себя не торопить — пусть выберет сам.

Пауза. Достаточно долгая, чтобы она успела подумать — ошиблась номером, ловушка, случайный человек. Потом подумать ещё раз и понять что случайных людей здесь не бывает.

Потом:

«Человек, который знает про тот же список контрагентов что и вы. И про Ветрова. И про то, что будет дальше, если вы подпишете брачный контракт с Северским не зная всего».

Вера смотрела на экран.

Руки были спокойны — она отметила это отдельно, как факт. Внутри что-то сжалось, но руки не дрогнули. Хорошо.

Список контрагентов. Она нашла его ночью в акте налоговой проверки. Про него знали: она, отец, который подписывал все эти бумаги, налоговая. И тот, кто всё это устроил.

Значит либо это кто-то от налоговой, либо — кто-то от той стороны.

«Откуда у вас этот номер?»

«От Сырцова. Он дал его мне на случай, если сам не сможет выйти на вас. Он боится. У него семья».

«Я знаю про семью. Кто вы?»

Снова пауза.

«Пока — никто. Потом — может быть, союзник. Зависит от вас».

Она встала, прошла по кухне. Остановилась у окна. Двор был пустой, только один человек вёл собаку вдоль забора — медленно, неторопливо, собака останавливалась у каждого столба и обнюхивала его с профессиональной серьёзностью.

Обычный двор. Обычный день.

«Что вы хотите?» — написала она.

«Поговорить. Не по телефону».

«Почему я должна соглашаться на встречу с человеком, которого не знаю?»

Ответ пришёл быстро, без паузы — как будто он ждал именно этого вопроса.

«Не должны. Но я могу сказать вам кое-что прямо сейчас. Без встречи. Проверите сами — и тогда решите».

Она подождала.

«Найдите протокол заседания совета директоров холдинга от четырнадцатого сентября позапрошлого года. Последний пункт повестки. Вам отец его не показывал».

Она записала дату. Сентябрь позапрошлого года. За несколько месяцев до того, как всё началось.

«И ещё. Спросите отца, кто рекомендовал ему Северского. Не как он узнал — а кто конкретно назвал это имя первым».

Больше сообщений не было.

Она написала: «подождите» — но ответа не последовало. Контакт просто замолчал.

Она стояла с телефоном в руках и думала.

Два конкретных указания — документ и вопрос. Не просто «я знаю что-то важное, приходите». Конкретно: вот что проверить, вот что спросить. Это либо человек, который действительно хочет помочь и знает, как, либо человек, который хочет направить её в нужном направлении — туда куда выгодно ему.

Оба варианта требовали одного: проверить.

* * *

Протокол она нашла через час.

Отец отдал ей полный архив корпоративных документов ещё в первый вечер — папка на ноутбуке, несколько сотен файлов в хаотичном порядке. Поиск по дате занял минут пять.

Протокол заседания совета директоров, четырнадцатое сентября. Семь страниц. Первые шесть — стандартное: утверждение бюджета, отчёт по объектам, кадровые вопросы. Скучный язык деловых протоколов, который она умела читать как художественную литературу — быстро, по диагонали, выхватывая суть.

Последний пункт повестки.

Она читала медленно — один раз, потом ещё раз.

Речь шла о передаче двадцати процентов доли холдинга в доверительное управление. Внешнему управляющему. Имя — Ветров Алексей Борисович. Основание — оптимизация структуры владения. Решение принято единогласно.

Вера закрыла файл. Открыла снова.

Двадцать процентов. Переданы Ветрову. За два месяца до того, как начались проверки. За три месяца до первого кредита.

Она сидела и смотрела в экран.

Это не было похоже на предательство партнёра — импульсивное, из обиды или жадности. Это было похоже на спланированный вывод активов. Сначала получить долю через договор, который выглядит как налоговая оптимизация. Потом ждать пока начнётся давление — проверки, сорванные контракты, кредиты. Потом уйти, унося долю с собой.

Методично. Аккуратно. Через бумаги, которые подписывал сам Лозинский.

Она думала об отце — о том, как он стоял у окна вчера. «Восемь лет рядом, Вера. Я думал, я людей понимаю». Он не был слепым. Он был человеком, которому верил — по-настоящему, как верят только тем кого знают долго. А Ветров это использовал.

Но тогда оставался вопрос — второй, который незнакомец задал отдельно.

Кто назвал имя Северского.

* * *

Отец был в кабинете. Она постучала, вошла.

Он поднял взгляд от бумаг — устало, но без раздражения. Всегда без раздражения, это было в нём неизменным.

— Пап, — сказала она. — Кто тебе первым сказал про Северского? Кто назвал его имя?

Отец смотрел на неё секунды три.

— Зачем тебе?

— Просто ответь.

Он помолчал. Потёр лоб. Посмотрел в окно — привычный жест. Что-то собирался сказать, что ему неудобно.

— Ветров, — сказал он тихо. — Перед отъездом. Позвонил, сказал — есть человек, который может помочь. Дал контакт.

Вера стояла в дверях кабинета.

Ветров вывел активы. И он же прислал Северского.

Это была конструкция с двумя движущимися частями — разрушение и то, что приходит после разрушения. Сначала довести до края, потом предложить выход через конкретного человека. Зачем? Что давал Северский Ветрову или тому, кто за ним?

Это она пока не знала.
Но незнакомец знал. И ждал её сообщения.
Она вышла из кабинета и написала на тот номер:
«Проверила. Когда встречаемся».

Глава 11. Северский. Другой разговор

Он позвонил сам.

Не написал — позвонил, в половину седьмого вечера, когда она сидела у себя и перечитывала протокол совета директоров в третий раз. Искала что могла пропустить. Ничего не пропустила — просто перечитывала, потому что не могла остановиться.

Телефон зазвонил, она посмотрела на экран.

Северский.

Она дала себе секунду — просто чтобы вдохнуть ровно.

Звонок — это не сообщение. В сообщении можно спрятаться, перечитать, выверить каждое слово. Голос выдаёт. По голосу слышно, спал ли человек, ел ли, боится ли. Она знала, что и её голос сейчас будет так же прочитан с той стороны, и потому первым делом сделала то, чему научилась на переговорных тренингах: выпрямила спину, поставила ноги на пол, разжала пальцы. Тело держит голос. Если держится тело — держится и голос.

— Вера Дмитриевна, — сказал он. — Вы сегодня ездили на юго-восток.

Она не ответила сразу. Посчитала до трёх — не от растерянности, а чтобы не говорить первое, что пришло в голову.

— Вы следите за мной, — сказала она. Не вопрос.

— Нет. — Пауза. — Но за вами следят другие. И я об этом узнал.

— Это должно меня успокоить?

— Это должно вас насторожить. — Голос был ровным, как всегда, но в нём было что-то новое — не тревога, но что-то близкое к ней. Как будто он разрешил себе немного больше, чем обычно. — Нам нужно поговорить. Не по телефону.

— У нас есть три недели. Вы сами назначили срок.

— Три недели для решения. Этот разговор — другой.

Она смотрела в окно. За стеклом темнело — рано, по-февральски, и двор уже был в том синеватом сумеречном свете, который она всегда любила и никогда не умела объяснить почему. Что-то в нём было такое — между днём и ночью, когда мир на секунду перестаёт торопиться.

— Хорошо, — сказала она. — Где.

* * *

Он назвал адрес — не ресторан, не офис, не переговорная. Набережная.

Она удивилась, но не спросила. Приехала без Геннадия, на такси — заказала сама, хотела думать по дороге, а не следить за тем, чтобы говорить по-деловому с водителем.

Набережная была пустой — февральский вечер, мороз, кому сюда идти. Каменный парапет, фонари через равные промежутки, скамейки занесены снегом. Справа — силуэт Кремля, подсвеченный, как всегда немного нереальный. Слева — мост, редкие машины.

Северский уже стоял у парапета.

В тёмном пальто — длинном, хорошем сукне, без лишних деталей. Без шапки, несмотря на мороз. Смотрел на воду. Москва-река зимой была тёмной и тяжёлой — не красивой, другой. Льдины шли медленно, с каким-то достоинством, и фонари отражались в чёрной воде длинными дрожащими полосами.

Вера подошла и встала рядом. Не вплотную — на расстоянии, которое не требует объяснений. Достаточно близко, чтобы говорить вполголоса.

Он не повернулся сразу. Смотрел на воду ещё секунды три, как будто заканчивал какую-то мысль.

— Вы встречались с Сырцовым, — сказал он наконец.

— Да.

— Что он вам сказал?

— Достаточно. — Она тоже смотрела на воду. — Что вы не тот, кто разрушил бизнес отца. Но и не спаситель. И что вас порекомендовал Ветров.

Северский молчал.

— Вы знали, что он вас порекомендовал? — спросила она.

— Да, — сказал он.

— И вас это не смущало?

— Смущало, — сказал он просто. — Но у меня были свои причины согласиться.

— Какие причины? — спросила она.

Долгая пауза. Лыдина прошла мимо — медленно, без спешки.

— Ветров мне должен, — сказал он. — Не деньги. Кое-что другое. И это «кое-что другое» он закрыл, предложив мне вашего отца.

— Вы согласились, чтобы получить долг.

— Я согласился, чтобы понять, что он прячет. — Северский наконец повернулся к ней. — Ветров не делает ничего просто так. Если он отдал мне Лозинских — значит, ему нужно было убрать меня с другого направления. Отвлечь. Занять.

Вера смотрела на него.

— И вы позволили себя отвлечь.

— Я сделал вид, что позволил. — Он чуть прищурился — не от ветра. — Это разные вещи.

Холод был ощутимым — не резким, но настойчивым. Она подняла воротник. Ветер шёл с реки, нёс запах воды и железа.

— Артём, — сказала она. Впервые по имени, без отчества. Он не отреагировал внешне, но она почувствовала — заметил. — Кто стоит за Ветровым.

Пауза.

— Я пока не знаю точно, — сказал он. — Есть версия. Но называть имя, не будучи уверенным — значит дать человеку время уйти. А он и так умеет уходить.

— Вы ищете доказательства.

— Да.

— Давно?

— Восемь месяцев.

Она считала. Восемь месяцев назад — это незадолго до того, как Ветров уехал в Дубай. Значит, что-то произошло, что заставило его уехать. И Северский знал, что. Или догадывался.

— Почему вы мне это говорите? — спросила она тихо. — Вы же понимаете, что это меняет мою позицию.

Он смотрел на неё — прямо, без той нейтральности, которая была на первой встрече. Что-то в нём было другим здесь, на открытом воздухе, без столиков и официантов. Менее закрытым.

— Потому что за вами следят, — сказал он. — И если вы будете действовать, не зная этого — вы сделаете ошибку. А цена вашей ошибки сейчас высокая.

— Для кого?

— Для вас, — сказал он. — В первую очередь для вас.

Она смотрела на него.

Враг, который предупреждает. Человек с тайными мотивами, который говорит правду. Или человек, который говорит правду именно так чтобы она думала определённым образом.

Она всё ещё не знала. И это незнание было неприятным — она привыкла понимать людей быстро.

— Кто следит? — спросила она.

— Люди Ветрова, скорее всего. Или люди того, кто за Ветровым.

— Они были в кафе?

— Не знаю. Но они знали, что вы туда поехали.

Вера вспомнила кафе — пожилой мужчина с газетой, который не поднял взгляд ни разу. Женщина с ноутбуком. Обычные люди. Может быть.

— Что вы хотите от меня? — спросила она прямо. — Не в рамках предложения. Сейчас, в этом разговоре.

Он помолчал секунду.

— Чтобы вы не принимали решений в одиночку. Вы умны и осторожны. Но вы не знаете этих людей. Я знаю.

— Это звучит как «доверьтесь мне».

— Нет. — Он покачал головой — коротко, однозначно. — Это звучит как «не исключайте меня из уравнения раньше времени».

Они стояли рядом у парапета. Река шла. Фонари отражались в воде — длинные, дрожащие.

Это был честный ответ. Или очень хорошо сделанный под честный. Она всё ещё не знала — и это было неприятно, и это было важно не забыть.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я услышала.

Они стояли ещё немного — молча, рядом. Это было странно — стоять вот так, в тишине, с человеком, которому не знаешь доверять или нет. Но не неприятно. Это тоже была информация.

Потом она сказала:

— Я замёрзла.

— Я вызову вам машину.

— Не нужно. Я сама.

Он кивнул. Не настаивал.

Она сделала несколько шагов, потом остановилась и обернулась.

— Артём. Вы сказали — цена моей ошибки высокая. Для меня в первую очередь. Что вы имели в виду?

Он смотрел на неё с набережной. Фонарь за его спиной, тёмная вода, лёгкий пар дыхания.

— Что эти люди, — сказал он, — не остановятся на бизнесе.

Она смотрела на него ещё секунду.

Потом кивнула и пошла к дороге.

В такси она сидела прямо, смотрела вперёд и думала о том, что тон, которым он это сказал, не был похож на манипуляцию. Не было в нём той особенной интонации, которая бывает когда запугивают для контроля. Было что-то другое.

Предупреждение человека, которому есть что терять.

Или человека, которому есть что скрывать.

Она не знала.

Пока не знала.

Глава 12. Никита. Ночью

В дверь постучали около одиннадцати.

Вера не спала — лежала с книгой, которую не читала, просто держала в руках как предлог не думать. За окном была ночная Москва, и она в который раз прокручивала разговор на набережной — слова Северского, паузы между словами, то, что осталось недосказанным.

Стук был тихим, скорее вопросительным, чем требовательным.

— Войди, — сказала она.

Голос вышел ровнее, чем она ожидала, — за недели в этом доме она научилась убирать из голоса всё, что могло встревожить других, особенно ночью, особенно когда стучали тихо. Тихий стук в этом доме теперь всегда означал, что человеку плохо и он не решается войти. Она отложила книгу обложкой вверх, чтобы не потерять несуществующую страницу, и села повыше.

Никита приоткрыл дверь, заглянул. Увидел, что она не спит — чуть расслабился.

— Не мешаю?

— Нет. Заходи.

Он вошёл, огляделся — привычка с детства, всегда осматривался в комнате, как будто проверял, всё ли на месте — и сел на край кровати. В старых джинсах и растянутом свитере, с телефоном в руке, который он сразу убрал в карман.

Вера смотрела на брата и видела, что он пришёл не просто так. Никита в детстве всегда заходил к ней именно так — бочком, с порога, делая вид, что зашёл случайно, мимоходом, — когда на самом деле его что-то мучило и он не знал, с какого конца начать. Тогда это были двойки, ссоры с друзьями, разбитое окно соседям. Она научилась не спрашивать сразу — спросишь, и он закроется. Нужно было дать ему посидеть, привыкнуть к комнате, и тогда он говорил сам.

Помолчали.

Это не было неловкостью — просто оба знали, что он пришёл не просто так, и оба не торопили. В детстве они умели молчать вместе — редкое умение для брата и сестры с разницей в шесть лет. Она всегда думала, что это от матери, которая сама умела молчать весомо.

— Ты сегодня куда-то ездила, — сказал он наконец. — Утром.

— Да.

— Далеко.

— Юго-восток.

Он кивнул — как будто это подтверждало что-то, о чём он уже думал. Значит следил или спрашивал у матери. Или просто заметил — Никита умел замечать.

— Вер, — сказал он. — Я должен тебе кое-что сказать. Я давно должен был, но... — Он остановился. Потёр ладони о колени — жест, который она помнила с его подросткового возраста, когда волновался перед контрольными. — В общем.

— Говори, — сказала она тихо.

Он поднял на неё глаза.

— Той осенью, когда я слышал Ветрова — я сказал тебе, что слышал только про компанию. Что он говорил «всё чисто, докопаться невозможно». — Пауза. — Это правда. Но не вся.

Вера закрыла книгу. Положила на тумбочку.

— Я слышал ещё кое-что, — продолжал Никита. — Они говорили про тебя.

— Про меня.

— Ветров сказал отцу... — Он запнулся. Собрался. Она видела, как он собирается — чуть сводит плечи, чуть поднимает подбородок. Мальчишеская привычка, осталась с детства. — Он сказал, что когда Вера вернётся, она будет удобной картой. Его слова. «Удобной картой». Я не понял тогда, что это значит. Но запомнил, потому что стало неприятно.

Вера сидела тихо.

Удобная карта.

Её возвращение было частью чьего-то плана задолго до того, как она села в самолёт. Не случайным совпадением — именно частью. Значит следили за семьёй. Знали, что она вернётся после учёбы. Знали, когда.

— Ты думал об этом всё это время? — спросила она.

— Да. — Он смотрел в пол. — Особенно когда ты прилетела и всё началось. Я думал — скажу, не скажу. Потом думал — может, я неправильно понял. Может, он имел в виду что-то другое. — Поднял взгляд. — Но наверное, правильно понял.

— Наверное, — согласилась она.

Они помолчали.

За окном была тихая ночь. Снег лежал ровно, двор был пустым и белым. Где-то внизу тихо играло радио у соседей — она слышала его третью ночь подряд, кто-то там тоже не спал.

— Никит, — сказала она. — Ты не виноват, что не сказал сразу. Ты не знал, что это важно.

— Я догадывался, — сказал он.

— Догадывался — это не знал. — Она смотрела на него. — Ты тогда был один с этим. Это тяжело.

Он помолчал, принимая это.

— Ты боишься? — спросил он тихо. Не снисходительно — серьёзно, как спрашивают равного. — По-настоящему.

Она подумала. Честно, без автоматического «нет, всё нормально».

— Боюсь ошибиться, — сказала она. — За себя не так страшно. За вас страшно.

Никита смотрел на неё.

— Ты знаешь, — сказал он медленно, — я всё время думал, что ты уехала и тебе там хорошо. Что у тебя там своя жизнь, всё понятно, всё правильно. Ты звонила редко, писала про учёбу — всё звучало нормально. — Он чуть усмехнулся. — И немного завидовал. По-хорошему.

— Там было хорошо, — сказала она. — Но не, потому что всё было понятно. Просто там я была сама по себе.

— А здесь нет.

— Здесь я дочь и сестра. — Она помолчала. — Это не плохо. Просто другое. Там я выбирала когда и кем быть. Здесь — нет.

Никита кивнул медленно.

— Вер, — сказал он. — Я хочу помочь. Не просто — скажи если что. По-настоящему. Что я могу сделать?

Она посмотрела на брата. Двадцать два года, четвёртый курс, мешки под глазами от того, что живёт в этом доме и слышит, как родители разговаривают вполголоса. Он не ребёнок. Он просто был ребёнком когда она уезжала, и она до сих пор видела его таким.

Надо было перестать.

— Пока — слушать, — сказала она. — Если вспомнишь ещё что-нибудь — говори сразу. Любую мелочь. Что казалось неважным — на самом деле может быть важным.

— Договорились.

Он встал, потянулся. Хрустнул позвонком — привычный звук, она слышала его с тех пор как он вымахал на голову выше неё.

В дверях обернулся.

— Вер. Ты правда думаешь, что выберемся?

Она смотрела на него. Думала о протоколе от четырнадцатого сентября, о Сырцове, о Северском на набережной, о незнакомом контакте в телефоне, который завтра назначит встречу. О том, что нитей много, и пока ни одна не ведёт к выходу, но все они существуют — значит куда-то ведут.

— Думаю, — сказала она.

Не, потому что была уверена. Потому что он спросил.

Никита кивнул — и вышел, тихо прикрыв дверь.

Вера выключила свет и легла в темноте.

Удобная карта. Значит, её ждали. Раз ждали — значит, нужна. Раз нужна — есть рычаг. А рычаг — это уже не беспомощность.

Она думала об этом долго, пока темнота не стала мягче и мысли не поплыли. Уснула почти сразу — впервые за три дня.

Глава 13. Никита. Написал

Она написала в час ночи.

«Не спишь?»

Никита смотрел на экран. Телефон лежал рядом — он уже собирался отложить его, уже почти уснул. Три маленьких слова на экране.

«Нет», написал он.

«Я тоже. Сдаю завтра коллоквиум по макроэкономике. Умру».

«Не умрёшь. Ты сдашь».

«Ты уверен? Ты же меня не знаешь».

Он думал секунду.

«Ты в очереди к принтеру не сдалась. Значит сдашь».

Пауза. Потом смайлик — один, без слов.

Этот единственный смайлик Никита разглядывал, кажется, дольше, чем все её предыдущие сообщения вместе. В нём не было ничего — и было всё: что разговор не окончен, что завтра можно написать снова, что у него, оказывается, есть теперь маленькая отдельная территория, на которую не дотягивается ни отец, ни долги, ни тот человек, чьё имя он старался не вспоминать на ночь. Он положил телефон экраном вниз, чтобы не смотреть больше, и впервые за много дней уснул быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.